

БОРОДИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА 1839 И 1912 ГГ. КАК ОБРАЗЦЫ ПРАЗДНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЮБИЛЕЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Годовщина Бородинского сражения на государственном уровне праздновалась в Российской империи дважды. Содержание и масштаб этих торжеств близки друг другу, несмотря на различие в значимости юбилейных дат. Определение общих характеристик этих событий имеет особую актуальность в преддверии празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, главные мероприятия которого, согласно решению Государственной комиссии, должны состояться вновь на Бородинском поле.

Главной целью Бородинских торжеств 1839 и 1912 гг. было увековечение и прославление подвига российской армии. В этой связи празднования отнюдь не ограничивались проведением церемониальных мероприятий. Более того, в 1839 г. праздновался не юбилей, а открытие Бородинского памятника, закладка которого состоялась в год 25-летия Бородинского сражения. О том, какое значение придавалось тогда немногочисленным в России памятникам, можно судить по словам митрополита Филарета (Дроздова): «Памятник есть книга, которой не нужно искать в книгохранилище, потому что она лежит на пути; и таким образом читается и теми, которые не думали раскрывать ее. Приметив сие, мудрость государственная благоприятствует устройению памятников, дабы они в свою очередь внушили народу любовь к Отечеству, которая внушила мысль устроить их, дабы, возвещая добродетели и подвиги предков, к тем же добродетелям и подвигам поощряли потомков»¹.

Бородинское поле является классическим примером тесного взаимодействия православной и светской мемориальных традиций. В день 25-летия Бородинского сражения 26 августа 1837 г. был подписан Высочайший указ Николая I, которым Департаменту уделов было повелено «Московской губернии Можайского уезда село Бородино приобрести в дар Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу». Создание дворцово-паркового ансамбля в селе Бородино было частью обширного плана императора Николая I по увековечению памяти Отечественной войны 1812 года. После проведения конкурса Академии художеств и определения возможных мест установки, он выбрал проект Бородинского памятника А. А. Адамини и утвердил место его возведения — «на большой батарее или люнете, находящемся на левой стороне дороги, едучи из Москвы в Смоленск». У монумента было решено перезахоронить останки П. И. Багратиона. Отдельным указом повелевалось построить дом-сторожку для инвалидов, назначенных ухаживать за памятником, и хранить в нем «один экземпляр плана Бородинского сражения из Военно-топографического депо, покрыв план этот лаком для большей прочности». На Бородинском поле появился музей - старейший из созданных в мире на полях сраженийⁱⁱ.

Для подготовки к празднованию 100-летия Отечественной войны 1812 года, главным местом которого стало Бородинское поле, была Высочайше утверждена Межведомственная комиссия и особые комиссия и комитет в Московской губернии. На поле сражения было установлено 33 монумента в стилях неоклассицизма и модерна, с различной по содержанию и полноте информацией на каждом из них: названия сражавшихся частей и их потомков, численность, потери, иногда фамилии убитых и раненых, слова о нравственном значении подвига предков, а также монументы на командных пунктах М. И. Кутузова и Наполеона. Под непосредственным наблюдением московского губернатора В. Ф. Джунковского на месте сторожки у батареи Раевского было построено новое здание «с устройством в нем музея», воссоздана часть полевых укреплений русской артиллерии. К 100-летию битвы Бородинское поле превратилось в объект культурного наследия, состояние и пространственную структуру которого можно считать эталонной для оценки аутентичности и целостности его историко-культурного ландшафтаⁱⁱⁱ.

В Бородинских торжествах 1839 г. участвовали не только царская семья, придворная свита, министры, генералитет, духовенство, но и более 200 участников Бородинской битвы, 150 тыс. войск, иностранные гости. Император повелеть соизволил «Всем генералам, штаб, обер-офицерам отставным, в Бородинской битве участвовавшим, под предводительством тайного советника графа Гудовича, стать у монумента внутри решетки. Всем прочим посетителям, как служащим так и не служащим, которые хотя и находились в компании 1812 года, но в Бородинском сражении не участвовали, отнюдь в местность расположения войск не въезжать и к монументу не подходить, предоставляя им находиться вне черты расположения войск: в Бородине, Горках и на других возвышенных местах». На торжества приехало множество «разнохарактерной русской публики» не только из окрестных уездов, но даже из дальних губерний. «Так что не только избы, но даже свободных сараев и амбаров невозможно было найти во всей окрестности на пространстве до 10 верст вокруг Бородина. За один амбар просили по 200 руб.»^{iv}. Были построены временный деревянный «городок» для иностранцев и даже театральный павильон.

В дни 100-летнего юбилея особое внимание было уделено «ветеранам, очевидцам и современникам Отечественной войны» и потомкам участников. Были приглашены депутаты воинских частей, волостные

старшины, общественные организации.

Все время пребывания на Бородинском поле, с 17 августа до 1 сентября, Николай I ночевал не в Бородинском дворце, а в палатке среди войск. По вечерам солдаты «собирались в отдельные кружки подле лагеря и стоя пели разнообразные песни, то военные, веселые и удалые, то задушевные, проникнутые грустью. Аккомпанируя в это время бубнами и гармоникой, медными тарелками, свистками, побрякушками, бубенчиками и какими-то звёздочками. Так что в лагере веяло воинственным разгулом и весельем при строгом порядке и опрятности. Всё обширное пространство, находящееся под лагерем, было усыпано жёлтым песком, а дорожки в палатки были обложены густым зелёным дёрном. ... Царские палатки были гораздо просторнее офицерских и отделаны красным кумачом»^v.

Для приезда императорской семьи в 1912 г. была построена двухкилометровая железнодорожная ветка от станции Бородино до платформы с павильоном около Спасо-Бородинского монастыря. Царская Ставка с 25 до утра 27 августа располагалась в поезде.

Празднование 1839 г. включало в себя открытие монумента на батарее Раевского 26 августа и маневры с воспроизведением эпизодов

Бородинского сражения, которые проходили до 1 сентября. По словам 15-летнего сына художника-баталиста Петера Хесса, 29 августа «наконец-то, это произошло — большие маневры, о которых столько говорилось и которые были причиной бесконечной подготовки и длительных приготовлений. Говорят, что каждый выстрел обходится императору в один рубль, а ведь, наверняка, только за один сегодняшний день из ружей и пушек выстрелили более миллиона раз, к чему следует еще прибавить ежедневные экзерсисы. Но спектакль получился действительно великолепный.

Можно было видеть 56 000 солдат всех родов войск, совершающих маневры в самых разных ситуациях. Для полной достоверности картины настоящего сражения недоставало только противника.

Одна за другой возникали прекраснейшие батальные картины!! Все затянуто прозрачным голубым туманом порохового дыма. Со всех сторон Бородинского поля доносится непрерывный треск ружейного огня и оглушающий, громовой грохот тяжелых орудий. И вдруг, бешеное ура! Это уланский и гусарский полки, атакуя карьером, врываются между массой пехотинцев и артиллерией.

Не требовалось особой фантазии, чтобы поверить, что перед тобой настоящее сражение. Впрочем, император во всем точно следовал плану Бородинского сражения, а в заключение еще и окружил противника. Он, конечно, захватил бы в плен и самого Наполеона, и половину его армии, хотя более вероятно, что Наполеон предвосхитил бы императора и так или иначе, но пленил бы его самого»^{vi}.

Центральной частью обоих событий были крестные ходы с молебном у монумента на батарее Раевского и парады войск. Крестный ход в 1912 г. происходил 25-26 августа со Смоленской иконой Божией Матери, как и в 1812 г. перенесенной из Смоленска. После благодарственного молебна «В воспоминание избавления Церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двадцати язык» были зачитаны приказы императоров.

Приказ Николая I гласил: «Ребята! Пред Вами памятник, свидетельствующий о славном подвиге ваших товарищей! Здесь, на этом месте, за 27 лет перед сим надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за Веру, Царя и Отечество. Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана разметаны кости дерзких пришельцев — и мы взойшли в Париж.

Теперь настало время воздать славу великому делу. Итак, да будет память вечная безсмертному для нас Императору Александру I-му. Его твёрдою волей спасена Россия; вечная слава павшим геройскою смертью товарищам нашим. И да послужит их подвиг примером нам и позднешему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотом вашему Государю и общей матери нашей России».

В приказе Армии и Флоту императора Николая II было сказано:

«В сегодняшний торжественный день поминания столетней годовщины знаменательного сражения на полях Бородинских, воздаваемая вместе со Мною всюю Россией дань уважения и признательности к подвигам ваших предков да укрепит в сердцах ваших сознание долга и да послужит источником к проявлению вами той же беззаветной преданности и мужества, когда Промыслу Божьему угодно будет призывать Отечество к новому испытанию. Сердца ваши да пребывают в уверенности, что потомки с уважением произнесут имена ваши и содеянные вами подвиги неизгладимо будут жить в памяти благодарного Отечества».

Построения войск и церемониальные марши происходили около монумента на батарее Раевского. Своим масштабом и торжественной строгостью они поражали зрителей, как военных, так и штатских.

Подготовка и сами юбилейные торжества столетия Бородинского сражения подробно описаны в воспоминаниях одного из главных их организатора В.Ф. Джунковского. По его словам, «парад был на редкость блестящий, прошел он с колоссальным подъемом. Государь несколько раз благодарил войска.

По окончании парада Государыня императрица с августейшими детьми отбыла в царскую Ставку, а Государь

верхом проследовал в Бородинский дворец среди огромных толп народа, наполнявших обе стороны шоссе, провожаемый несмолкаемыми восторженными кликами. В саду Бородинского дворца был накрыт завтрак для лиц, приглашенных на торжества, потомков участников Бородинского сражения и начальников отдельных частей.

Около трех часов дня Государь сел на коня, и начался объезд Бородинского поля. <...> Прежде всего направились в деревню Горки, где Государь принял от местных крестьян хлеб-соль и осмотрел памятник Кутузову. Затем в течение полутора часов объезжали все поле сражения, останавливаясь перед памятниками, сооруженными отдельными частями войск. Около памятников в ожидании Государя находились депутации войск, с которыми Государь беседовал. <...> При объезде поля сражения Государь... посетил лагерь волостных старшин и представителей крестьян, собранных со всей России. <...> Могучее „ура“ огласило воздух, энтузиазм был совершенно неопишуемый, я много раз бывал на торжествах, но тот восторг, с которым крестьяне на Бородине встречали своего монарха, не поддается описанию. Государь, столь трогательной встречей в крестьянском лагере, видимо, был взволнован. В 6 с половиной часов вечера Государь император и все великие князья выехали вновь из Ставки в автомобилях на освящение памятника французам. Памятник этот сооружен был в память павших французов по подписке среди французской нации. Памятник этот был временный, сооруженный в виде лепной модели в натуральную величину и увенчанный одноглавым орлом «Aux morts de la Grande Armée». <...>. Настоящий памятник, посланный морем из Франции, в Россию не доехал, пароход во время бури в Балтийском море пошел ко дну вместе с памятником, таким образом, на скорую руку был сооружен временный, который и освящали. Место для французского памятника было выбрано как раз против Шевардинского редута, с которого Наполеон I руководил боем. <...> Государь, встреченный кликами „Vive l'Empereur!“ ... проследовал на помост перед памятником, где католическое духовенство совершило траурную мессу и освятило временный памятник.

Вечером всем крестьянам были розданы фарфоровые кружки, специально исполненные к юбилею, с соответствующими надписями, затем им были показаны картины из Отечественной войны в кинематографе»^{vii}. Купола и стены монастыря были иллюминированы электрическими лампочками.

Чтобы оценить воздействие Бородинских торжеств на участников-зрителей, приведем их краткие описания.

Участник Бородинского сражения и торжеств 1839 г. В. А. Жуковский писал: «Утро Бородинского праздника было также ясно, как утро Бородинского боя. Тогда была чувствительна осенняя свежесть; теперя теплота наполняла воздух, и от долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малейшем ветерке поднималась столбами. Войска ...были рано поутру сведены на места, им назначенные; они стояли колоннами по наклону покатоствей, окружая с трех сторон то возвышение, на коем теперя стоит памятник Бородинский. Одним взглядом можно было окинуть стопятидесяти тысячную армию, сжатую в густые колонны... Явился Государь, проскакал мимо колонны; грянуло повсеместное ура, и вдруг все утихло: от Бородина с хоругвями и крестами потянулся ход... Когда священники стали по местам своим и митрополит приблизился к алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движения, ни шороха, как будто живые слились в одно безмолвное братство с бесчисленными мертвыми, здесь под землю сокрытыми, как будто бы мертвые вышли из праха и, став в строй с живыми, вселили в них свое неземное спокойствие...»^{viii}.

Подобные впечатления испытал и совсем другой человек -15-летний немецкий мальчик Эуген Хесс: «Сегодня, в день годовщины Бородинского сражения, состоялось торжественное открытие и освящение монумента, воздвигнутого в его честь. На пространстве около памятника, обнесенном решеткой, находились только почетные ветераны, участвовавшие в сражении. Все они были в своих старых мундирах, многие без руки или ноги. При взгляде на них нельзя было не испытать волнения.

А от самого подножья холма, насколько можно было видеть, все поле сражения было заполнено необъятными массами пехоты, кавалерии и артиллерии. Что толку называть сухую цифру — 150 000 человек! То, что было перед нами, надо сравнить только с морем солдат.

Во время обряда благословения император и вся его свита, включая протестантов — прусского и голландского принцев, преклонили колена.

Когда почтенный патриарх (митрополит Московский Филарет - А.Г.), возвысив голос, в молитве произнес имя Александра, вновь над всем войском, как раскаты грома, прогремел оглушительный крик. Грянули все полковые оркестры. С четырех сторон армии прогрехотали залпы четырех батарей, и тысячи и тысячи штыков, сабель и пик заблестели в горячих лучах солнца, которое появилось на небе, затянутом до этого тучами. Это было величественное зрелище!!»^{ix}.

Еще одни восторженные воспоминания - из записок смоленской семьи Нееловых, приехавшей на Бородинские торжества 1839 г. из деревни в Гжатском уезде: «Крестный ход, начинаясь от Бородинской церкви, почти захватил половину пути по дороге к памятнику. Затем началась торжественная панихида за упокой в Боге почившего императора Александра I-го и его храбрых сподвижников; также за упокой генерала Баграциона, которого прах покоился прежде в фамильном склепе в его отдаленном поместье, а теперя положен в могилу, осеняемую

Величественным памятником. и за всех павших воинов, доблестных сынов России. Все смолкло, горячо и пламенно молился народ и войско, эта историческая минута потрясала душу. „Вечная память", - раздавалось звучно и сильно в воздухе, казалось, души умерших сочувствуют молитве и излиянию благодарности живых. Потом началось благодарственное молебствие при возгласении многолетия и слова „Многая лета", повторяемые гармоническими и могучими голосами, огласили окрестность. В это мгновение грозные и многочисленные орудия начали стрельбу рикошетом, т.е. один выстрел следовал сейчас же за другим, и стрельба шла не очень ровно. Но как не было ожидаемого страшного залпа из всех орудий вдруг, то мы успокоились и очень повеселели. Здесь было собрано 120 тысяч войска. Потом все полки начали проходить церемониальным маршем»^x.

Впечатления от Бородинских торжеств 1912 г. сохранились в кратких искренних записках полковника лейб-гвардии Измайловского полка И.Н. Смирнова: «25 августа. Милостью Божией, чудное солнце, сменившее еще накануне ливший дождь, радостно встретило Царскую семью в Бородине.... Потомки героев в ограде монастыря встречали своего Царя. Какие имена! Тучковы, Бутурлины, Багратионы, Нарышкины, Истомины, Раевские, Толстые. одно славнее другого. «...» 26 августа. В восемь часов обедня началась в соборе Владимирской Божией Матери. ... Царь, Царица с Семей, Великие Князья слушают обедню и по окончании ее поднимается икона Одигитрии, преднесомая хоругвями, и начинается крестный ход. Благоговейно выходят из ограды митрополит, архиереи, Царь с Царицей, Великие Князья, потомки героев и за оградой присоединяется к ним народ. Народ стоит на пути шествия иконы. Никакою кистью художника не передать трогательной величественности этой картины. Входят на батарею, служится молебен.... Начинается объезд войск и парад войскам. Что за дивная картина! Потомки славных предков проходят в предшествии священных свидетелей их доблести полковых знамен и штандартов. Проходит гвардия, и среди них... идут потомки героев Павловцев. Вот Донцы - седые старики, за ними внуки их...Парад окончен. Офицеры окружили своего обожаемого Царя, милостиво их благодарящего, и могучее „ура" провожает его. А сколько внимания оказано старцам, которые были свидетелями войны. Среди них одна старушка, насчитывающая 111 лет. Милостиво беседуя с ней, Царь дает ей 111 рублей.

В 3 часа 30 минут Царь начинает объезд памятников, сооруженных в честь их славных предков. Сколько внимания оказано Царем представителям частей, находившихся при своих памятниках. Какие чудные венки возложены на эти памятники и на братскую могилу, где выделяются венки от французов.

Окончены дни торжеств.

Русские люди! Да пробудится в душе каждого из Вас, испытавших счастье присутствовать на этих торжествах, чувства неизреченной благодарности к героям предкам, спасшим Россию, и да укрепятся в Вас те же чувства любви к своим Вере, Царю и Родине, которые так ярко горели в эту славную годину»^{xi}.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Сочинения Филарета митрополита Московского и Коломенского. М., 1877. Т. 3. С.130.

ⁱⁱ См.: Горбунов А.В. Бородинское поле как объект культурного наследия, 1839-1999 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2000. С. 43-47.

ⁱⁱⁱ Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля: программы и их реализация // Бородинское поле: музей и памятник. М., 2005. С.5-33.

^{iv} Государственный архив Смоленской области. Ф. 598. Оп. 1. Д. 412. Л. 40об.

^v Там же. Л. 5об.

^{vi} Хесс Э. Русский дневник. СПб., 2007. С. 99.

^{vii} Джуновский В.Ф. Воспоминания. М., 2002. Т. 2. С. 5-68.

^{viii} Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 10. С. 31.

^{ix} Хесс Э. Указ. соч. С. 97.

^x Государственный архив Смоленской области. Ф. 598. Оп. 1. Д. 412. Л. 17, 17об.

^{xi} Цит. по: Федотов А.С. И.Н. Смирнов и его заметки «В Бородине 25-26 августа 1912 г.»: Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9-11 сентября 2002 г.. М., 2003. С. 101-102.